

ПРОЛОГ

Согласно одному древнему, редко упоминаемому преданию, бог Солнца и создатель всего живого Ра вынужден время от времени перерождаться. Бессмертие, которым обладают он и его божественные собратья, не означает незаблещенность: изнурительный труд, заставляющий Ра ежедневно умирать и воскресать, чтобы над миром всходило новое солнце, истощает его силы и могущество.

Поэтому каждые пять тысяч лет бог Ра проводит в подземном царстве под названием Дуат особую церемонию: в присутствии самых преданных служителей и своей обожаемой дочери Сехмет он окунается на несколько секунд в первозданные воды и выходит оттуда прелестным ребенком, готовым вновь приступить к своему вечному труду.

В нынешнем году по календарю смертных пришел очередной срок богу Ра отдохнуть и омолодиться. Однако в этот раз все получилось иначе.

Реки крови, хлынувшие из-под врат Дуата, поведали о беде привратнику, богу Гебу. Войдя в зал, где проводился обряд, он поскользнулся на плитах пола, некогда золотых, а теперь

алых, и увидел лежащие вповалку тела жриц — истерзанные и обескровленные.

Он кинулся к священной купели, где соединялись первозданные воды, и увиденное там ужаснуло его сверх всякой меры: на дне источника, барахтаясь и заходясь криком, лежал бог Солнца. Подняться ему не давали толстые черные оковы на шее и поясе.

Услышав шаги, бог Геб обернулся и встретился взглядом с красавицей, стоящей по другую сторону купели. Кровь капала с ее рук, кровь текла ручьями по всему ее телу, облачая ее в блестящее красное платье. Длинные пряди непокорных густых волос в беспорядке разметались по плечам.

— Сехмет... — не веря своим глазам, пролепетал Геб. — Что ты натворила? Ты в своем уме?

Богиня войны лишь плотно сжала губы и, крутнувшись на месте, исчезла в облаке красного тумана.

Египет, куда эллины плавают на кораблях,
египтяне считают отвоеванным у моря и по-
лученным в дар от реки.

Геродот

1

УСАДЬБА

В зале прилета в Каире Найлу Бек ждали два неожиданных откровения: отец ее встречать не приехал (ладно, это, наверное, ожидаемо), зато Феми притащила с собой хвост.

Найла коротко выдохнула: «Дом, милый дом...»

Чемодан повалился на пол, и теперь ничто не мешало Феми стиснуть ее в жарких объятиях, которых Найле так не хватало в университете. То есть объятий (самых разных) в университете хватало с избытком, просто Феми была особенной. Может, так действовал неповторимый бергамотовый аромат, а может, искренний залиvistый смех, от которого у Найлы щекотало в животе.

Наверное, и то и другое.

Феми явилась в пышной цветной юбке, как будто сшитой из разных лоскутов, и розовом топе, подчеркивающим ее темную кожу. В ушах при каждом движении позвякивали крупные золотистые серьги. Все такая же прекрасная и яркая, как при первой их встрече, когда пятилетняя Найла приняла ее за циркачку. В хорошем смысле.

Воспоминания прервал резкий гогот, заставивший Найлу отпрянуть и посмотреть под ноги.

— С ума сойти, он еще жив, оказывается... — пробормотала она, осторожно отступая подальше, на случай если извергу вздумается пощипать ее новые сандалии.

— Ты про Чафулумису? Конечно жив! — Феми, расплываясь в улыбке, наклонилась погладить гуся, косившего желтым глазом на Найлу. — Что с ним делается?

Найла окинула уродца скептическим взглядом. Благодаря длинной шее выцветший клюв дотягивался почти до ее бедра — при том что ростом она не была обделена. Когда-то давно, в ее детстве, гусак был лощеным и коричневым, как каштан. Она никогда не забудет, как этот комок блестящих шоколадных перьев гонялся за ней по всей Усадьбе, норовя ущипнуть за попу, и каждое утро будил истошным гогогом ровно в шесть. Мало того что бешеное страшилище, так еще и ранняя пташка.

Былой лоск он, правда, уже давно растерял: перья потускнели, а кое-где даже виднелись проплешины. Да и клюв из ярко-розового стал белесым. Зато никуда не делся длинный ряд острых мелких зубов, окончательно превращавших гусака в персонажа фильма ужасов.

— Ну да, я про старика Чафу... — кивнула Найла. — Прошлым летом ты сказала, что он совсем плох, а потом все, больше ни слова...

— Ой, ну что ты! Просто поцапался со змеями. Они уже помирились и снова не разлей вода. Иди же сюда, обнимемся по-человечески! — Мачеха вновь притянула ее к себе, и Найла уткнулась носом куда-то между ее шеей и плечом. — Поверить не могу, что ты наконец вернулась. Так непривычно было без тебя все эти четыре года...

Найла поежилась под теплыми прикосновениями по спине, почувствовав легкий укол совести. Поступая в университет

за четыре с лишним тысячи километров отсюда, она не собиралась отрываться от семьи так надолго. Да, у нее захватывало дух, когда она прощалась со всеми и садилась в самолет. Ее давно грела мысль сделать что-то необычное, увидеть, когда вырастет, что-то кроме отцовского паноптикума. Только ведь не до такой степени, чтобы не прилететь потом ни разу даже на летние каникулы...

Да, она сама себе удивлялась. Но все-таки не прилетала.

— Не переживай, — прошептала Феми ей на ухо. — Я понимаю.

Высвободившись из объятий мачехи, Найла посмотрела ей в глаза и начала подбирать слова, чтобы внятно и убедительно объяснить, как так вышло. И не показаться инфантильной эгоисткой, которую просто достало слушать, как отец декламирует никому не понятные гимны, и которая считала себя выше всего этого — и семейного дела, и отцовских закидонов.

— Я же сказала, что понимаю, — повторила мачеха, ободряюще сжимая ее руки. От ее ласковой улыбки у Найлы подступил ком к горлу. — Тебе захотелось чего-то необычного, Най. И никто тебя за это не винит.

Необычного? Ей? Да ладно, уж она-то как раз самая обычная. Нормальная. Адекватная. Хотелось ей всего-навсего учиться, заводить подруг, устраивать пижамные вечеринки. Но здесь такое и вправду из ряда вон, что и говорить.

Она уже собралась спросить, почему же тогда отец не приехал ее встречать, если никто не корит ее за отъезд в университет, но вовремя прикусила язык и ограничилась неопределенным кивком. Они направились к выходу из аэропорта — Найла, обнимающая мачеху за плечи, и ковыляющий следом лапчатый кошмар.

Снаружи лицо моментально обдало горячей волной. Зной — дело привычное: в городе, где Найла училась, летом стояла немилосердная сухая жара и днем все прятались по домам. Но за эти четыре года Найла успела забыть, что в Каире к зною прилагается одно существенное дополнение — непомерная влажность. Спина моментально взмокла.

В такси, краем уха слушая Феми, восторженно расписывающую, какая красота сейчас в Усадьбе и как ей непременно понравится новый бассейн, Найла отвернулась к открытому окну. От плывущих вдаль мечетей с устремленными в небо минаретами, от всех этих знакомых охристых оттенков внутри что-то переворачивалось и закручивалось вихрем. И запахи... Ох, эти запахи... Найла почти безотчетно выставила локоть в окошко и уткнулась подбородком в гиб.

Она глубоко вдохнула несколько раз — и ее начало отпускать, словно развязывался внутри тугой узел, буря утихомиривалась, сменяясь приятной истомой в мышцах. Так бывает, когда бухнешься в постель после напряженного изматывающего дня, или наполнишь урчащий от голода желудок чем-то сытным и вкусным, или когда кожи коснется прохладный шелк облегающего платья.

Сквозь густое марево пропитавших Каир пряных и соленых ароматов вдруг прорезался новый — могучий, сладкий и свежий.

Найла вскинула голову и пробежалась взглядом по окрестностям, отыскивая едва заметные проблески за россыпью зданий где-то там, вдаль, на горизонте. Машина ехала быстро, а дорога проходила слишком далеко, не позволяя увидеть желаемое во всем великолепии.

— На следующем перекрестке поверните, пожалуйста, направо, — попросила Феми водителя.

Найла удивленно обернулась к ней. Мачеха, придерживая гуся на коленях, улыбалась, хотя в уголках губ обозначились напряженные морщинки.

— Прости, дорогая. Что-то мне вдруг захотелось взглянуть на Нил.

Это, конечно, была откровенная ложь. Найла прикусила нижнюю губу, стараясь не рассмеяться, но промолчала, потому что от предвкушения все равно не могла вымолвить ни слова. Так бывает: иногда просто не представляешь, насколько соскучился, пока не окажешься совсем рядом, буквально в двух шагах. У всех, с кем Найла знакомилась в университете, загорались глаза, когда она упоминала о своих корнях: родилась и выросла в Каире, отец и мать египтяне, все предки тоже стопроцентные египтяне. Ее начинали расспрашивать: всем было любопытно, как оно там, в Египте, наверняка ведь у нее совсем другая жизнь, экзотическая с их точки зрения. Однако Найла не сомневалась: расскажи она все как есть, подтверди, насколько ее детство отличалось от привычного им, на нее просто посмотрели бы в ужасе и потом обходили за километр. Поэтому она поступала просто: рассказывала про Нил.

Про драгоценные бирюзовые воды, про то, как захватывает дух от красоты, когда сидишь на берегу на закате летом. Про аромат, про блики, про свежесть...

Большинству, конечно, быстро становилось скучно. Им хотелось услышать про мумии, иероглифы, проклятия обитателей загробного мира...

Только вот Найлу от всего такого уже тошнило.

А сейчас, когда за окном такси наконец показалась река, Найла против воли расплылась в улыбке. Вот он. Один из тех самых корней, которые связывают ее с этой землей, с ее родителями. Вот он змеится, играет на солнце, могучий и вечный.

Да, теперь она точно дома.

— Не понимаю, как ты можешь его не любить... — выдохнула Найла в упоении.

— Ну почему сразу «не любить»? — Мачеха, как обычно, оправдывалась, хотя оправдания эти, тоже как обычно, никого не убеждали. Феми действительно всегда сторонилась реки и не соглашалась поддержать ни одну отцовскую затею, подразумевающую вылазку на необъятный нильский берег. — Просто не понимаю, что в нем такого особенного.

Хорошенькое заявление от женщины, находящей красоту в таких сомнительных и малоприятных тварях, как гуси — или змеи, которых она держит в своем в террариуме.

Почти через час, переползая из пробки в пробку через полгорода, они добрались до Усадьбы. Грандиозная постройка, столетие за столетием наслаивающаяся на себе архитектурные стили, не поддавалась никакому описанию, но, если вообразить нечто среднее между храмом, музеем, мечетью, замком и фермой, получится оно, родовое гнездо Беков.

Первый из Беков, обосновавшийся на этой земле, даже представить не мог, что когда-нибудь вокруг вырастет огромный многолюдный город и протянет сюда сети кварталов с нормальными человеческими домами. Усадьбу закладывали в засушливом районе (что для Египта в порядке вещей), вдали от великих цивилизаций эпохи. Поначалу это был просто храм,

содержавшийся на средства одного фараона, которому было за что благодарить Беков, хоть те и поклонялись божеству, не особенно почитаемому правящими династиями.

Потому что, несмотря на безусловную значимость героического бога-творца Геба в египетской мифологии, фараоны всегда предпочитали воцаряться и править под покровительством Ра и Гора, богов Солнца.

Но это не мешало вратам храма Беков пятилетие за пятилетием пропускать через себя тысячи паломников. Высокие пилоны в форме усеченной пирамиды не выдержали натиска песчаных бурь и уступили место крепким стенам из сырцового кирпича. Когда фараоново царство приказало долго жить, Беки, чтобы избежать грабежей и разорения, принялись изображать преданность сменявшим друг друга новым хозяевам земель. Поэтому дом обрастал двориками-перистилиями и обзаводился термами, как положено у римлян. А когда рушилась какая-нибудь колонна, грозя обвалить основное здание, новую возводили в коринфском ордере — с характерными резными листьями аканта и завитками-волютами по углам, наглядным свидетельством времени постройки.

Теперь эти латаные-перелатаные высокие стены, подновлявшиеся столько раз, что никакая память удержать не в состоянии, эта электрическая изгородь с камерой наблюдения, все эти бесчисленные римские дворики в окружении разномастных арок, сводов и колонн стояли безмолвными памятниками всем тем культурам, что прокатывались волнами по вечным и неизменным пескам Египта.

Таковыми же волнами накатывали к этим стенам журналисты в надежде, что знаменитый хозяин Усадьбы раскроет ворота

своего обиталища, а вместе с ними и тайны, которые оно хранит. Единственный, наверное, дом в целом мире, за шесть с лишним тысячелетий ни разу не переходивший в чужие руки.

Найла уже не помнила, чем закончилось дело с иском, поданным последним из репортеров. Тем самым, который обжег руки и здорово перепугался, когда решил подобраться поближе, в упор не замечая предостерегающей надписи «Осторожно! Электрическое напряжение!»...

Когда они вышли из такси, Феми пришлось покричать, чтобы кто-нибудь из работников помог им с багажом. Многих Найла встретила впервые — основная часть персонала в Усадьбе постоянно менялась, — но при виде старика Адофо не сдержалась и радостно взвизгнула.

Все тот же коротышка, рядом с Найлой выглядевший еще ниже; все те же вечно приподнятые, будто в недоуменном жесте, плечи; все тот же двойной подбородок, трясущийся, словно желе, когда Адофо повышал голос.

А голос он повышал частенько.

— Ишь ты! — успел он буркнуть за миг до того, как Найла сжала его в объятиях. — Я уж думал, ты больше сюда носа не кажешь.

Найла, улыбаясь, потрепала его за обветренные смуглые щеки и вовремя увернулась от шлепка. Коротышка коротышкой, а сила у него бычья. У Найлы слегка загудело в голове при воспоминании о подзатыльниках, которые она получала, стоило ей зазеваться: легкое касание костяшками пальцев — и у тебя искры из глаз.

— В кои-то веки радуюсь, что есть на земле вещи неизменные, — проговорила Найла. — Что ты, что гусь — ничто вас не берет. Вы сделку с Анубисом, что ли, заключили оба?

Шутки шутками, однако на побелевшие виски Адофо Найла посматривала растерянно. До ее отъезда в университет у него ни одного седого волоска не было. При виде этой метки, четко и ясно показывающей, сколько она не была дома и сколько воды утекло не только для нее, но и для остальных, у Найлы сжалось сердце.

Адофо же, поставленный в один ряд со зловредным гусем, которого Найла числила своим заклятым врагом сколько себя помнила, недовольно фыркнул — и вправду как-то по-бычьи.

— А тебя, нахалку, даже большой город и университет не исправили. То-то отец обрадуется, когда поймет, что зря потрагился. Деньги на ветер!

— Нет на свете города больше Каира, Адофи! — Найла ткнула его пальцем в плечо, пока он с тремя другими работниками вытаскивал из такси ее чемоданы. Все четверо, даже самые молодые, покраснели от натуги и красноречиво пыхтели. Найла и сама намучилась в аэропорту, сдавая в багаж полновесные четыре года жизни. — И сколько раз тебе говорить, я не нахалка, я находчивая, только ты никак не привыкнешь.

— Находчивая девчонка? Аллах упаси!

Под эту шутиливую пикировку, в которую всеми силами старалась не ввязываться Феми, потому что терпеть не могла конфликты, они вошли, давась от смеха, в один из множества перистилей Усадьбы. Тот, где сохранилось больше всего греческих элементов.

Вернее, сохранялось. Еще совсем недавно.

Остолбеневшая Найла не мигая уставилась в центр дворика. Не может быть.

— А где?.. Куда подевался греко-римский фонтан? — пролепетала она.

Работники расхохотались непонятно над чем и потащили ее чемоданы дальше, оставляя на плитах темные следы. Найла на них не смотрела, не в силах оторвать взгляд от зеленого безобразия, воздвигшегося там, где испокон веков находился фонтан. Тот самый великолепный фонтан, из-за которого столько было препирательств с греческим Музеем Акрополя, считавшим своей неотчуждаемой собственностью любое изделие старше трех тысяч лет, хоть как-то связанное с Грецией.

Феми осторожно опустила гуся на землю, и тот припустил вдогонку за чемоданами.

— Понимаешь, милая... — начала мачеха, тщательно подбирая слова. — Я помню, последние месяцы в университете выдались очень загруженными: экзамены, выпускной, вздохнуть некогда. Вполне объяснимо, что в этой суматохе мои письма читались по диагонали...

Найла прищурилась, вспоминая:

— Это ты про длиннющую апрельскую простыню? Где в самом конце: «Ну ты же знаешь папу, так уж он устроен, но он ведь из добрых побуждений»?

— Я подозревала, что надо было как-то по-другому...

— По-другому? «Привет, Най, у нас все в порядке, только папа окончательно выжил из ума и заменил бесценное произведение искусства на зеленый кошмар»?

Феми открыла рот, явно нервничая и тяготясь необходимостью объясняться. Хотя оправдываться за мужа ей приходилось далеко не впервые.

— Рекомендую воздержаться от подобных выражений в присутствии бога Геба! — раздалось во дворике.

Найла вздернула брови. Огибая статую, к ней шагал отец. Он что, прятался там, дожидаясь подходящего момента для триум-

фального появления? С него станется — и не только это. Руки Контар Бек держал в карманах удобных бежевых брюк, мягкая синяя рубашка обтягивала широченные плечи. Все это время Найла видела его только на фото и видео — на каких-то он появлялся по собственной воле, хоть и витал мыслями где-то далеко, а на каких-то мелькал на заднем плане, за спиной весело щебечущей Феми.

Он ничуть не изменился. Такой же высокий, бронзовый от постоянного пребывания на солнце, и наверняка никому не верится, что у этого моложавого красавца может быть двадцатидвухлетняя дочь.

— Это почему? — поинтересовалась Найла, изо всех сил стараясь не показать, как расчувствовалась, увидев его. — Думаешь, он может меня услышать?

— Мало найдется на свете такого, чего наследник богов не может.

Контар Бек остановился напротив дочери, глядя на нее изпод изогнутых темных бровей. Фирменный взгляд. Когда он вот так смотрит своими каштановыми глазами, все почему-то сразу превращаются в нашкодивших детей. Как будто затмение находит. Найлу, однако, этот взгляд не пугал никогда.

Она — зеница этого ока, и всем это известно.

— Так, значит, ты встречаешь обожаемую дочь после долгих лет разлуки?

Отец тут же распахнул объятия, и Найла мгновенно перенеслась в недалекое прошлое. Четыре года — не такой уж огромный срок, но достаточный, чтобы перевернуть представления о многом. Однако сейчас, прижавшись к отцу, Найла чувствовала себя так, будто стрелки часов навеки застыли на месте: то же ощущение, те же запахи, всё то же и те же вокруг.

Бешеную радость, которая захлестывала ее в этих объятиях, невозможно было описать словами.

Найла обожала отца. Половину проведенного с ним времени она отчетливо понимала, что с его образом мысли место ему в психушке, а не на посту председателя Ассоциации египтологов, и все равно не могла им не восхищаться. Умный, талантливый, он истово верил. За двоих.

И она жутко по нему соскучилась.

— Даже если бы у меня были еще дети, ты все равно была бы любимицей, — подтвердил он вполголоса. И нежно поцеловал ее в макушку, царапнув, правда, шершавым подбородком лоб. — Я скучал по тебе, маленькая моя тубан.

Найла, уткнувшись ему в плечо, не удержалась от улыбки.

— Покажи мне еще хоть одного человека, который будет ласково называть дочь змеенышем.

— Это почетное звание, — проговорил отец с подозрительным влажным блеском в глазах, который ему не удалось скрыть от Найлы, как он ни моргал. — Ты завоевала его кровью и потом всего в шесть лет. Это было... потрясающе.

Вспомнив тот роковой день, Найла вздохнула:

— Когда я сама чуть не погреблась в том погребальном зале с двухтысячелетними мумиями? «Потрясающе» — не то слово, пап.

— Во имя всего святого! Чему тебя в этом твоём университете учили?

— Ничему хорошему, это уж как пить дать, — бросил походя Адофо, который как раз волок мимо них самый большой чемодан. Отдуваясь и пыхтя, он то и дело отпинывал и осыпал проклятиями гусака, вперевалку семенившего рядом.

Нетерпеливый вздох Феми донесся до Найлы и Контара за долю секунды до того, как она вклинилась между ними. На полметра ниже своего супруга и на полголовы ниже Найлы, она обняла их за пояс, заставляя придержать языки.

— Наконец вся семья снова в сборе! — Щеки у нее пылали, и она даже не пыталась скрыть выступившие на глазах слезы. — Вы представить себе не можете, как я счастлива!

Контар цокнул:

— У тебя же все на лице написано! Но, если ты заплачешь, я смоюсь.

Найла загородилась ладонью:

— И я.

— Вот вам! — Феми ущипнула обоих, заставив взвыть. — Надо мной можете смеяться сколько хотите, но вам не удастся сделать вид, будто вы не рады.

Найла с отцом весело переглянулись поверх головы Феми, и Контар, намеренно оставив реплику жены без ответа, указал на статую:

— Ну скажи, разве не ослепительно?

Найла проглотила ехидный ответ, рвавшийся с языка. Она ведь только что приехала и пока не собиралась выяснять отношения. Именно «пока», потому что потом без выяснений все равно не обойдется.

Если судить объективно, статуя действительно ослепляла, с этим не поспоришь. Во-первых, потому что громоздилась в самом центре перистиля и купалась в потоке полуденного света. Одно время на этом месте располагались драгоценные солнечные часы, о которых сейчас напоминали только рисунки да одна плитка с засечками. А еще статуя была зеленой.

Ядовито-зеленой. И высилась она как минимум метров на пять.

Найла задрала голову, пытаясь разглядеть лицо статуи, но на самой верхушке как-то странно вспыхнуло солнце, и пришлось отвести взгляд.

— Хотела бы я видеть тот кран, который ее сюда установил. Вот он наверняка ослепителен!

Отец неопределенно повел рукой:

— Да о чем тут говорить, для Муси это пара пустяков.

Взгляд Найлы скрестился с отцовским.

— Муси?

— Э-э... Ну да, ты же понимаешь, бедолаге нужно как-то зарабатывать на жизнь, — объяснил отец, переминаясь с ноги на ногу. — Я просто оказал ему услугу.

— Точнее, услугу оказал тебе он, перетащив эту махину так, чтобы никто не заметил, да?

Отец слегка поник плечами, однако Найлу это не проняло. Муси был им уже как родной, учитывая, сколько времени он проводил в Усадьбе и сколько раз работал на отца. Но от этого не переставал быть проходимцем и хапугой, учитывая, сколько раз он продавался тому, кто больше заплатит, и сколько ценностей уплывало из отцовских рук по его милости. По крайней мере, так все складывалось перед отъездом Найлы в университет, когда Контар поклялся, что больше никаких дел с Муси вести не намерен.

Хотя вообще-то, положи руку на сердце, жаловаться отец не имел никакого морального права, учитывая, что львиную долю найденных реликвий он оставлял себе, а в Египетский музей в Каире передавались жалкие крохи.

— Во имя всех богов, Найла, ты так говоришь, будто он преступник какой-то.

— Так он и есть преступник! Три года в тюрьме просидел!

— И теперь прозябает в Луксоре, бедняга, потому что весь Каир на него косо смотрит. Ну ошибся человек, с кем не бывает...

— Ошибся — это когда солонку с сахарницей перепутал. А лазить по ночам в музей и без счета таскать исторические артефакты — это преступление. Ты же говорил, что...

Найла прервалась на полуслове, вовремя прикусив язык. Опять едва не ввязалась в спор с отцом, а ведь именно из-за таких размолвок она спала и видела, как улетит в университет на другой край земли. Потому что отец вроде бы человек взрослый, способный включать мозг и отвечать за себя, однако все детство и юность Найлу втягивали в авантюры, с каждым разом все более рискованные, в которых единственной взрослой, кажется, оставалась она сама.

— Ладно, неважно, — прервала она затянувшееся на несколько секунд напряженное молчание и, сжав губы, направилась к дому. — Это твое дело.

Статую Найла не удостоила больше ни единым взглядом. Она не собирается расспрашивать, из чего она высечена, удалось ли уже определить возраст и где ее вообще отыскали. Сколько человек понадобилось, чтобы извлечь находку из-под земли, сколько времени это заняло, что еще интересного обнаружилось рядом. Потому что во врожденной дочкиной любознательности и страсти к истории отец всегда норовит увидеть отражение собственной фанатичной веры в богов, так что Найла поклялась себе больше в эту ловушку не попадаться.

Ей послышался какой-то шепот — наверное, Феми упрекала Контара вполголоса, — однако Найла даже головы не повернула.

* * *

На следующий день мерзавец Чафу гонялся за Найлой по всему дому. Откровенно и очевидно ее ненавидя, он почему-то пристраивался за ней тенью, едва за приметив. Даже в душ бы за ней пролез, если бы Найла не отодвинула его легонько ногой и не захлопнула дверь как можно скорее, чтобы не прищемить этот вездесущий клюв.

За завтраком, пока Феми рассказывала обо всяких мелочах, о которых не упоминала на видеосозвонах, в голове Найлы роилась туча мыслей. Она совершенно точно заслужила отдых после университетского выпускного курса. Оценки — выше всяких похвал, есть чем гордиться, но почивать теперь на лаврах в Усадьбе как-то неправильно.

Она чувствовала какое-то беспокойство, нетерпение, как будто что-то подстегивало ее — даже нога дернулась пару раз, пока руки намазывали бутерброд. Найла окинула взглядом продолговатое помещение, ища покоя в привычных и знакомых квадратах белой узорчатой плитки. Вытянутая кухня всегда была в этом доме нейтральной территорией, не принадлежащей ни отцу, ни Феми, ни уж тем более Найле. Поэтому Феми не разводила здесь фирменную пестроту (как будто кого-то вытошнило на стены целой палитрой), а Контар, вечно оставляющий недоделанное на потом, — свой фирменный беспорядок. Оба великолепно готовили, да еще пытались друг друга перещеголять, поэтому какое-то время на двери кухни даже висело расписание, чтобы никто никому не мешал. Это не гово-

ря уже о ежегодных состязаниях, в которых изысканные и сложные египетские яства представлялись на суд жюри, состоящего из всех работников Усадьбы.

Из раздумий Найлу вырвала Феми, дружески похлопав ее по колену:

— Что за мысли кипят в этом котелке?

Найла почувствовала укор совести, к которому примешивалась какая-то опустошенность.

— Ничего выдающегося. Я просто подумала... — Она положила бутерброд на блюдце и всплеснула руками. — Я ведь вернулась не для того, чтобы на диване у себя в комнате валяться. Нужно начать искать работу, обзвонить друзей, заняться подтверждением диплома...

— Стоп-стоп-стоп, притормози. К чему такая спешка?

— Да нет никакой спешки.

— Правда? — Ладонь Феми чуть крепче придержала коленку Найлы, спасая от очередного подергивания. — Дай-ка угадаю: может, тебе кажется, раз ты теперь ученая дама с дипломом, тебе негоже проводить время с семьей, гулять по городу или просто отдыхать?

Найла вздохнула. Нет, дело не в этом, хотя...

— Я вчера поговорила с твоим отцом. — Феми встала и принялась убирать со стола. — Он понимает, что теперь все будет иначе.

Найла только рот раскрыла от изумления — надо же, как Феми сразу нащупала болевую точку.

— Я не... То есть...

— Он осознает, что твое возвращение — это не капитуляция, — продолжала мачеха, складывая грязные тарелки в раковину. — Так что тебе нет нужды хвататься за первую попавшуюся работу или снимать какую-нибудь убогую каморку

на окраине, лишь бы что-то ему доказать. Не нужно. — Развернувшись к Найле, Феми глядела ласково, но твердо. — Это твой дом, и ты теперь взрослая. Мы будем уважать твои решения.

О! Какие прекрасные слова. И мачехе Найла верила безоговорочно. Это не из-за Феми она так рвалась из дома на край света. Наоборот, Феми была одной из немногих, ради кого Найла всерьез задумалась вернуться и остаться.

— Ты же понимаешь: рано или поздно он начнет вовлекать меня снова. Это лишь вопрос времени, — пробормотала Найла, откидываясь на спинку стула.

— Само собой. Это же Контар Бек. Если он этого не сделает, я решу, что его подменили, и подам на развод, — заявила она с жаром и тут же рассмеялась. Найла тоже не смогла сдержать улыбку. — Твой папа такой, какой есть, солнышко. И если мы признаем за тобой право не лепить из себя ту, кем ты быть не хочешь, было бы несправедливо отказывать в таком же праве отцу. Как считаешь?

Найла задумчиво покусывала губу изнутри, глядя на мачеху. Смуглянка Феми с ее утонченной арабской красотой обладала прекраснейшей улыбкой на свете и даже самого понурого и грустного могла воодушевить своим оптимизмом. Найла всегда — даже в детстве, когда думать о таком было вроде бы еще рановато, — считала Феми подарком отцу от богов. Потому что никто кроме нее не сумел бы отогреть этого потерянного человека, помешавшегося от горя после смерти жены, и возродить его к новой любви.

— Я, оказывается, успела забыть, какая ты, — пробормотала наконец Найла.

— Тогда ты не такая умная, как мне помнилось.

И обе расхохотались, заставив от неожиданности подпрыгнуть неотвязного гуся, который подсматривал за ними из-под стола.

* * *

Вечером, после неожиданно спокойного семейного ужина (на котором Контар вел себя как истинно светский человек и умудрялся иногда минут по десять подряд не упоминать никаких богов) Найла вышла прогуляться по родной и любимой Усадьбе. Утренний разговор с мачехой немного ее успокоил. Феми права: ей действительно не нужно никому ничего доказывать. Если отъезд в такую даль на четыре года без попыток увидеться недостаточно продемонстрировал отношение Найлы к отцовским затеям, это проблема отца, а не ее.

И как бы ни пела ее душа — оттого, что она вернулась, она дома, в родном городе, с родными людьми, — своего мнения она не изменит. Оторвавшись от земли в тот день четыре года назад, она заодно оборвала и все нити, что связывали ее с наследием этой семьи. Она обрезала эти узы одну за другой, как врач пуповину.

А поскольку других детей у Контара Бека нет и сам он — единственный сын у своих родителей, наследие умрет вместе с ней.

Найла не заметила, как оказалась в переднем дворике. Несмотря на полночный час, влажная жара не отпускала, обволакивала. Легкий знойный ветерок шелестел в ветвях тamarисков, растущих под стеной, которая отделяла Усадьбу от дороги и скрывала от посторонних любопытных глаз. Тамариски эти высадили намеренно, когда дедушка Найлы отказался дальше надстраивать стену, и так местами изрядно просевшую от времени и износа.

Беки так усердно от всех отгораживались, так оберегали свою частную жизнь...

...а потом отец взял и вlepил посреди всего этого статую высотой с двухэтажное здание. Верхушку наверняка видно с плоских кровель ближайших домов, учитывая, что до городской окраины отсюда километр по прямой. И весь этот километр — голая пустошь, украшенная разве что робкими иссушенными кустиками, на которой пока никто (ни частники, ни предприятия) не отважился что-то построить. Вроде все горят желанием узнать, что же творится в этом странном доме, но селиться рядом охотников нет.

Найла считала это признаком благоразумия. Хотя репутация у Беков хорошая и отец пользуется у сограждан любовью и уважением — публичный деятель, на счету которого множество открытий и наград, — местным не чужды суеверия. Не все такие скептики, как Найла, и даже те, кто кичится рационализмом, предпочитают перестраховываться и держаться подальше от гнездилища магии и священных обрядов. До сих пор никто не произнес этого вслух и не рискнул заявить прямо, однако весь Каир верит, что Усадьба стоит на месте древнего храма.

И, вспоминая, что ни один легион, ни одна армия, ни один военный отряд не сумел ни разрушить ее, ни пройти сквозь ворота, местные только хмурились с досадой.

Найла тем временем досадовала на себя — за неумное любопытство. Поддавшись ему, она обошла статую кругом и остановилась напротив. Накануне оценить ее по достоинству не получилось, но сейчас Найла готова была признать, что не разочарована. Да, это действительно бог Геб. Точнее, его образ в представлении древнего скульптора или скульпторов.

Геб был богом земли и всего на ней растущего, всемогущим творцом, поэтому его и выкрасили в зеленый. И, по правде сказать, вовсе не такой уж ядовитый, как Найле показалось вначале.

Бедра статуи прикрывала ярко-желтая повязка шендит поверх короткой прямой юбки, собранной частыми складками. На руках, запястьях, лодыжках красовались массивные браслеты, поблескивающие металлизированными красками, и, конечно, довершал это великолепие воротник-ожерелье усех — амулет древнеегипетской знати. Он представлял собой полукруг, обрамлял горло и прикрывал ключицы, сзади оставляя основание шеи открытым. Шириной он был пальца в четыре и делался из нанизанных рядами бусин или из пластинок драгоценного металла, иногда расцвеченных фаянсом, а на концах часто украшался изображением головы сокола или грифа. На усехе статуи сияли два скарабея.

Странно. Такого Найла еще никогда не видела. Хотя опыт у нее был богатый: усехов она перевидала столько, что могла с одного беглого взгляда определить подлинность и материал.

Однако, если не считать ожерелья, самым фееричным украшением статуи был, конечно...

Гусь на голове.

Найла огляделась — просто так, на всякий случай. Ну да, Чафу тут как тут, кто бы сомневался, топчется у ее ног и с живым интересом рассматривает статую.

— Гляди, твой предок! — Найла указала на позолоченного гуся с лоснящейся красной грудкой, восседающего на макушке неподвижного божества. Она могла бы поспорить, что такого окраса у гусей не было никогда, даже у нильских, но ведь

и статую вряд ли ваяли с пятиметрового зеленокожего человека... — Раньше вы были красивее. Почему вы так подурнели?

Чафу в ответ лишь всплеснул крыльями и потряс головой.

— Да нет, понятно, что его приукрасили ради такого случая... — Вздохнув, Найла подошла поближе к статуе и дотянулась кончиками пальцев до зеленого колена. Материал холодный, но очень гладкий. И твердый, гораздо тверже стали. — Не знала бы, что это невозможно, решила бы, что нефрит.

Найла облизала пересохшие губы, раздумывая, имеет ли смысл быстренько сбегать к себе за чемоданчиком и взять пробу, но вовремя вспомнила, что ее может увидеть отец и сделать самые неподходящие выводы. Она прекрасно знала, что решение перевестись в конце концов на отделение реставрации и консервации отец воспринял как личную победу. А ведь Найла всерьез собиралась свернуть с уготованного ей пути — исключительно папе назло... Однако трех недель на нутрициологии ей хватило выше крыши, и она сдалась. Это не ее. Ее род, сама кровь, текущая в ее венах, не позволяли заняться ничем иным, кроме изучения истории и древностей.

Одно дело — вырваться из длинных, протянувшихся сквозь столетия, цепких рук Беков, и совсем другое — рушить свою жизнь из глупого упрямства, лишь бы досадить отцу.

Поэтому Найла огромным усилием воли подавила желание исследовать пигменты и резьбу под портативным микроскопом и ограничилась поверхностной визуальной оценкой. Которую мог бы выполнить и двухлетний ребенок.

— Состояние окраски вполне приличное... На конечностях износ практически отсутствует... — Найла обошла статую кругом, осматривая докуда хватает глаз. Хватало, по правде говоря,